

яе лепш маўчаць, чым параніць душу адкрыццём таямніцы «жанчыны другой»: «Грымнула громам густым з бліскавіцай // хмара адчаем падстрэленых фраз, // дзіўны, ці ж трэба душы таямніца», // тая, што лішняю будзе якраз» [1, с. 32].

Маўчанне як стан душы ў час трылогі, расстання, канфлікту характэрна герайні верша «Мільёны дзён мяне кахаў...». Здаецца, што гэта немагчыма: кахаць «вечна» і забыць сваю жанчыну, аднак рэальнасць менавіта такая. Маўчанне — гэта апошняя мяжа, якая пакуль дазваляе быць разам калісьці блізкім людзям: «Маўчу... Ні клопату, ні спраў, // прайшоў праз сэрца, выйдзе ў дзверы // той, хто мільёны дзён кахаў // і... ў гэта сам не змог паверыць» [1, с. 43].

Надзея на пошукі кампрамісу характэрна і лірычнай герайні верша «Шпышына пры даліне». Жанчына гатова зрабіць крок насустрэчу таму, праз каго яна пакутуе ад хлусні і здрады. Герайня не жаха мужчыне «прэч», яна не хоча быць суддзёй чужых грахоў, для яе важна захаваць святло і чысціню ўласнай душы: «Не мне душу тваю караць, // будзь ласкавейшай з той, // што зараз // яшчэ не ўмее раўнаваць, // яна — твой суд і твая кара...» [1, с. 58].

Адзінота прыносіць пякучы душэўны боль, аднак паступова сэрца герайні твораў Р. Баравіковай напаўняецца спакоем. У вершы «Бывала, ў ціхае начы...» паэтка пераконвае ў тым, што аддаленасць мужчыны, які знаходзіцца побач, яго закрытасць, безуважнасць да яе пачуццяў прыносяць жанчыне толькі пакуты. У сітуацыі «адзіноты ўдваіх» лепш застацца зусім адной, чым дарэмна траціць сваю энергію: «Да тых начэй цяпер прыкута // дасюль нязнаным пачуццём, // ён быў тады маёй пакутай», // а стаў шчаслівым забыццём» [1, с. 15].

Лірычная герайня Р. Баравіковай адчувае адзіноту не толькі праз расстанне з мужчынам. Эмацыйна самыя напружаны моманты ў перажыванні гэтага пачуцця — нерэалізаванасць мацярынства, нявыкананасць адвечнай жаночай ролі. Герайня верша «Адзінота», працуючы ў дзіцячым садку, дорыць малым цяпло душы, аднак шчымымі боль выклікае думка пра тое, што ёй самой «... ніхто з дзяцей не скажа: «Мама...»» [1, с. 116].

Р. Баравікова паказвае працэс сталення сваёй лірычнай герайні: спачатку яна спазнае радасць кахання, затым перажывае рэўнасць і прадчувае расстанне, нарэшце — прывыкае да непазбежнасці адзіноты. Часам у апісанні лірычнага «я» твораў Р. Баравіковай з'яўляецца матыў іранічнасці, які звязваецца з расчараваннем у каханні. Так, у вершы «Жанчыны» герайня ўжо пазбавілася ілюзій, яна стала самадэстатковай і ўпэўненай асобай: «Б'е ў вочы фар насмешлівых святло, // спрабую быць і мудраю, і добрай, // а ўслед, напэўна, выгукнула б: Кобра!», // каб у самое джала не было» [1, с. 135].

У вершы «Расчараванне» паэтка гаворыць, што з гадамі прыходзіць сталасць, а з ёй — разуменне таго, што каханне можа знікаць і нараджацца зноў, але з ім з'яўляецца і шкадаванне: «Пачуццям лёгка паўтарыцца: // ізноў каханне — зноў і жаль» [1, с. 166].

Пераасэнсаванне каштоўнасцей, адчуванне адзіноты і разгубленасці ў вершах Р. Баравіковай не азначаюць расчаравання ў каханні ў цэлым. Лірычная герайня верша «Песня шчаслівага дня» лічыць яго натуральным станам душы: «Жыццё, як лета без слякоты // жыццё, як восень без дажджоў, // калі няма ў душы пшчоты», // калі згасае ў ёй любоў» [1, с. 150]. Нават пасля расстання, піша паэтка, ёсць месца для надзеі і кампрамісу. Вярнуць страчанае каханне складана, аднак выкрасліць з душы ранейшае жыццё з калісьці блізкім чалавекам немагчыма: «Стань ля чужой сядзібы тынам // сцяліся ля другой травой, // я не сшалею з успамінаў», // між вас праб'юся крапівой» [1, с. 150].

Заклучэнне. Шчыра гаворыць пра інтымныя пачуцці складана. Р. Баравікова валодае асаблівым дарам адлюстроўваць набалелы стан душы жанчыны адкрыта, праўдзіва і, разам з тым, тактоўна, далікатна. У лірыцы Р. Баравіковай матыў адзіноты і расчаравання ў каханні выяўляецца праз нераздаленае пачуццё, стан адчування і пошукі кампрамісаў. Паэтка выяўляе шматграннасць успрымання адзіноты, паказвае складанасць асабістых адносін. Нягледзячы на драматычны перажыванні лірычнай герайні, у вершах Р. Баравіковай застаецца надзея на ўзаемны крок насустрэчу.

Спіс цытуемых крыніц

1. Баравікова, Р. Каханне : кн. лірыкі / Р. Баравікова. — Мінск : Маст. літ., 1987. — 174 с.

УДК 811.161.1'27:811.161.3'27

А. Д. Родионова, Е. А. Зуева

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь

ЛЕКСИКА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА)

Введение. По замечанию Л. П. Крысина, «изучение иноязычной лексики <...> имеет довольно большую традицию как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Чисто лингвистические вопросы, связанные с этой областью, во многих работах рассматриваются в совокупности с проблемами культурных и социально-экономических контактов стран и народов» [1, с. 7]. Говоря о еврейях и лексике, представляющей еврейский национально-культурный компонент, следует иметь в виду понятия еврейский язык (идиш),

относящийся к группе западногерманских языков, древнееврейский язык (иврит) и современный иврит, относящиеся к семитским языкам. Относительно идиша следует отметить, что «несомненная заслуга окончательной обработки литературного языка принадлежит еврейским писателям» [2, с. 107], среди которых выделяется имя Шолом-Алейхема.

Цель статьи — рассмотреть лексику, представляющую еврейский национально-культурный компонент в русском языке на материале произведений Шолом-Алейхема. Материалом послужило 37 лексических единиц, отобранных из сборника Шолом-Алейхема «В маленьком мире маленьких людей» (перевод с идиша) [3]. Распределение на группы проводилось с опорой на глоссарий [3], словарь [4], интернет-источники [5—9].

Основная часть. Анализ языкового материала позволил выделить следующие тематические группы лексики, представляющие еврейский национально-культурный компонент:

1. «Пища»: «...а нет у него *халы*...» («Город маленьких людей», [3]): ХАЛА — витой белый хлеб продолговатой формы [4, с. 853]. «...бульоном, царским *цимесом*...» («Не сглазить бы», [3]): ЦИМЕС — блюдо, сочетающее морковь и сухофрукты, загущенные какой-нибудь яично-мучной или масляно-мучной заправкой [5]. «...большого красивого *гоменташа*...»: ГОМЕНТАШ — треугольный пирог, начиненный маком [3]. «...Хотя бы *мацы*...» («Праздничные радости», [3]): МАЦА — пресный пасхальный хлеб из пшеничной муки в виде очень тонких лепешек [4, с. 469]. «...прикоснуться к *хомецу*...»: ХОМЕЦ — изделие из квашеного теста [3]. «...ой-вей, *шабес, кугл!*» («Великий переполох...», [3]): КУГЛ — один из вариантов перевода названия запеканки с иврита [9].

2. «Названия лиц»: «...*Ребе* с учениками...» («Город маленьких людей», [3]): РЕБЕ — титул, обычно применяемый к раввину, меламеду в хедере или хасидскому цаддику [6]. «...*меламед реб* <...> *засучил рукава*...»: МЕЛАМЕД — у ашкеназов учитель в хедере [6]. «...*обязанности сандика*...» («Человек родился», [3]): САНДИК — человек, держащий на коленях ребенка во время обрезания [3]. «...*привозили* <...> *клезмеров*...» («Не свадьба, а Бог знает что», [3]): КЛЕЗМЕРЫ — еврейские народные музыканты [3]. «...*Тут раввин* <...> *дал знак*...» («Можно только позавидовать», [3]): РАВВИН — служитель культа в еврейской религиозной общине [4, с. 645]. «...*верующие евреи, — и хасиды*...» («Тоска по дому», [3]): ХАСИДЫ — приверженцы хасидизма [4, с. 855].

3. «Учреждения, организации»: «...*сидели бы по ешиботам*...» («Будь я Ротшильд», [3]): ИЕШИВА (ешибот) — название института, являющегося высшим религиозным учебным заведением, предназначенным для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда [6]. «...там находятся <...> *хедеры*...» («Город маленьких людей», [3]): ХЕДЕР — еврейская религиозная начальная школа для мальчиков [4, с. 855]. «...*отправляюсь в синагогу молиться*...» («Не сглазить бы», [3]): СИНАГОГА — молитвенный дом и религиозная община иудеев [4, с. 711]. «...*новое словечко — сионизм*...»: СИОНИЗМ — еврейское национальное движение, проповедующее объединение евреев разных стран на основе общности их исторической родины Палестины [4, с. 716].

4. «Одежда, аксессуар»: «...*Пригладив пейсы, он пробормотал*...»: ПЕЙСЫ — длинные пряди волос у висков, оставляемые неподстриженными (у мужчин-евреев, придерживающихся патриархальных обычаев) [4, с. 578]. «...*арбоканфес болтался*...» («Не свадьба, а Бог знает что», [3]): АРБОКАНФЕС — четырехугольное полотнище с круглым вырезом для головы и с шерстяными кистями по углам [3]. «...их *желтые талесы*...»: ТАЛЕС — молитвенное покрывало с кистями по углам [3]. «...*белые китлы*...» («Можно только позавидовать», [3]): КИТЛ — белая длинная рубаха [3].

5. «Праздники и особенные дни»: «...*трапезу в Пурим*...» («Родительские радости», [3]): ПУРИМ — весенний праздник, за месяц до Пасхи, в память избавления евреев от козней царедворца Амана, замышлявшего уничтожить их народ (Книга Эсфирь) [3]. «...*молитвы, заключающей Йом Кипур*...» («Можно только позавидовать», [3]): ЙОМ КИПУР — Судный день, день всепрощения, десятый день после Нового года по еврейскому календарю [3]. ЭЛУЛ — при отсчете по данным Библии — шестой, а в позднейшей традиции — двенадцатый месяц еврейского года. В эти дни верующие евреи начинают каяться в своих грехах и обращаться за помощью к «могилам предков» [3].

6. «Искусство»: «...*артист, и пуримшипылы*...» («Золотопряды», [3]): ПУРИМШПИЛЫ — народные театральные представления, разыгрываемые в зажиточных домах актерами-любителями (пуримшилерами) в праздник Пурим [3]. «...*сплясать фрейлехс*...» («Свадьба в “Раю”», [3]): ФРЕЙЛЕХС — веселая мелодия, танец [3].

7. «Традиции и быт»: «...*«чолит» задвинут в печь*...» («Не сглазить бы», [3]): ЧОЛИНТ — субботний обед [3]. «...*наш общий брис*...» («Человек родился», [3]): БРИТ МИЛА — обрезание крайней плоти, которое в Иудаизме проводят младенцу мужского пола на восьмой день жизни [7]. «...*накрытые белыми салфетками шалахмонесы*...» («Праздничные радости», [3]): ШАЛАХМОНЕС — в праздник Пурим евреи посылали друг другу праздничные гостинцы (шалахмонес) [3]. «...ему в нынешнем году приходит *бармицве*...» («Не стало покойников», [3]): БАР МИЦВА — религиозное совершеннолетие у евреев, когда мальчику (девочке) исполняется тринадцать лет [3].

8. «Религия»: «...*дети изучают Тору*...» («Город маленьких людей», [3]): ТОРА — Пятикнижие Моисея; все учение иудаизма [7]. «...закон из *Шулхан Орух*...» («Родительские радости», [3]): ШУЛХАН ОРУХ — Свод законов, предписаний и норм, регулирующий повседневный быт верующих евреев [3]. «...*умер во время неилы*...» («Можно только позавидовать», [3]): НЕИЛА — название молитвы ‘запирание ворот’ [8].

«...уплатить за «мафтир»...» («Не стало покойников», [3]): МАФТИР — публичное чтение нараспев в синагоге главы из Пророков (мафтир) считается большим почетом [3]. «...тут тебе и <...> и *Талмуд*...» («Тоска по дому», [3]): ТАЛМУД — 1. В иудейской религии: свод правил, основанных на догматическом толковании Ветхого Завета и регламентирующих религиозные, правовые отношения и быт [4, с. 759]. «...готовиться к *Кол-Нидре*...»: КОЛ-НИДРЕ — молитва, которую читают в синагоге в начале вечерней службы в Йом Кипур, до заката солнца [7]. «...отступить на «*шмоне эсре*»...» («Что нашли в кармане», [3]): ШМОНЕ ЭСРЭ — основная еврейская молитва [7]. «...в первых числах месяца *элула*...» («Город маленьких людей», [3]): «...мешочек с *тефили*...» («Не свадьба, а Бог знает что», [3]): ТЕФИЛИН — две маленькие кожаные коробочки черного цвета, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы [3].

Заключение. Лексикону, представляющему еврейский национально-культурный компонент можно отнести к экзотической (этнографической). Представленная лексика, употребляемая Шолом-Алейхемом, выполняет номинативную функцию, называя понятия, которым нет эквивалентов в русском языке, данные слова придают повествованию национальный колорит, приближают читателя к культуре, быту евреев.

Список цитируемых источников

1. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — М. : Наука, 1968. — 207 с.
2. Исаев, М. И. О языках народов СССР / М. И. Исаев. — М. : Наука, 1978. — 221 с.
3. Шолом-Алейхем. В маленьком мире маленьких людей / Шолом-Алейхем ; пер. с идиша Б. Горин, Я. Слоним, М. Беленький [и др.]. — М. : Текст, 2012. — 224. — URL: https://royallib.com/read/sholomaleyhem/v_malenkom_mire_malenkih_lyudey.html#0 (дата обращения: 20.04.2025).
4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М. : Эксмо, 2006. — 944 с.
5. Словари и энциклопедии на Академике. — URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 24.04.2025).
6. Словарь терминов // Электронная еврейская энциклопедия. — URL: <https://eleven.co.il/references/edition-concept/20/> (дата обращения: 21.04.2025).
7. Иудаизм и евреи . — URL: <https://toldot.com/> (дата обращения: 21.04.2025).
8. Молитва «Неила» — заключительная молитва в Йом Кипур // Имрей Ноам. — URL: <https://imrey.org/%d0%bc%d0%be-%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%b2%d0%b0-%d0%bd%d0%b5%d0%b8%d0%bb%d0%b0/> (дата обращения: 21.04.2025).
9. Якубовский, А. Кугель: еврейское субботнее блюдо, латгальское кулинарное наследие / А. Якубовский // Газета Краславского края Эзерземе. — URL: <https://www.ezerzeme.lv/ru/novosti/aktualno/12283/kugel-evreyskoe-subbotnee-blyudo-latgalskoe-kulinarno-nasledie> (дата обращения: 21.04.2025).

УДК82-32

Е. Ю. Саввина, О. Н. Фенчук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет», Воронеж, Российская Федерация

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. АХМАТОВОЙ ЛЮБОВНОЙ ТЕМАТИКИ

Введение. Анна Ахматова родилась в 1889 г. под Одессой. Училась она в Царскосельской женской гимназии. Некоторое время семья жила в Евпатории, а в последующем девочка переехала к родственникам в Киев. Там же начала переписываться с Николаем Гумилевым, который ухаживал за ней еще в Царском Селе, а в это время находился во Франции. Он издавал парижский русский еженедельник «Сириус» и в 1907 г. на его страницах вышло первое стихотворение юной поэтессы «На руке его много блестящих колец...». В апреле 1910 г. Анна Ахматова и Николай Гумилев обвенчались. Этот брак наложил сильный отпечаток на творчество поэтессы. В целом чувство любви тематически легло в основу большинства ее стихотворений. Николай Гумилев писал: «У Анны Ахматовой часто встречаются слова: боль, тоска, смерть. Этот столь естественный и потому прекрасный юношеский пессимизм до сих пор был «достоянием пера» и, кажется, в стихах Ахматовой впервые получил свое место в поэзии» [2, с. 440]. Верное замечание, предсказывающее поэтический путь талантливой сочинительницы.

«Цех поэтов», ставший колыбелью акмеизма, был основан Николаем Гумилевым в 1911 г. По мнению литературоведа О. А. Лекманова: «Члены «Цеха», в недрах которого в начале 1912 г. сформировался акмеизм, должны были не только в совершенстве освоить стихотворное мастерство, но и уметь аргументировано судить о достоинствах и недостатках произведений друг друга, то есть овладеть навыками профессиональных литературных критиков» [3, с. 6]. Это умение позволяло не только оценивать произведения собратьев по перу, но и перенимать их опыт. Можно говорить о тесной общности поэтов этого объединения и схожести многих черт их поэзии, следовании единым канонам.

Основная часть. Анна Андреевна в своих произведениях отразила характерные черты этого поэтического направления: культ конкретности, материальность, «вещественность» литературных образов. На примере, стихотворения «Белой ночью», рассмотрим отдельные черты акмеизма.

*Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь* [1, с. 49].